

УДК 1:316

К.Р. Баянов

Современные прогностические модели будущего общества (естественно-научный взгляд)

Оценивая тупик, в котором оказалась методология прогнозирования общественных процессов, мы вынуждены констатировать, что это стало неизбежным следствием кризиса современной мировой цивилизации. И если в ближайшее время не будет найден конструктивный выход из данного кризиса, вхождение в фазу глобального «конца мира» к середине XXI в. будет неизбежным.

Ключевые слова: прогнозирование; концепция устойчивого развития; теория постиндустриального развития; ноосферогенез; мобилизационный сценарий.

Кризис, перед лицом которого оказалось сегодня совокупное человечество, объясняется прежде всего тем, что парадигмальный методологический потенциал, основанный на классической науке и классических концепциях развития, перестал соответствовать значительно усложнившимся условиям общественного бытия. Следовательно, и методы прогнозирования, основанные на классической науке и на классических концепциях развития, перестали соответствовать значительно усложнившимся условиям общественной жизни. Системный кризис современной мировой цивилизации включает в себя: опасность экологического коллапса; демографический кризис; углубление разрыва по уровню жизни между странами «золотого миллиарда» и остальной частью человечества; опасность рождения нового тоталитаризма; финансовый кризис; исчерпание аксиологического и идеологического потенциала западного мира и др.

Поиск научно обоснованного образа будущего человечества оправданно начать с распознавания характерных кризисов в истории науки.

Так, кризис средневековой науки привел к возникновению в XVII–XVIII вв. классической механики и механистической картины мира, представленной в трудах Галилея, Декарта и Ньютона. К рубежу XVIII–XIX вв. ученым стало

казаться, что возведение на этой основе стройного каркаса позитивного знания близится к завершению. Становление термодинамики и теории электромагнетизма, открытия Пастера показали ошибочность этого мнения.

Однако в конце XIX в. прежние «научно-эсхатологические» настроения возродились вновь: физикам виделось всего лишь два последних облачка на ясном небосводе своей теории — неудача с обнаружением эфира в опыте Майкельсона – Морли и невозможность объяснения, почему холодная печь не светится в фиолетовой части спектра. Но в XX в. из первого «облачка» появилась теория относительности, а из второго — квантовая механика. Это были научные дисциплины, в наибольшей степени определившие технологический облик индустриальной цивилизации прошлого столетия.

Если ученый мир приходит к выводу, что система научного знания близка к завершению, то это верный признак очередного общенаучного кризиса. Именно так складывается положение в наше время — в начале XXI в. [1]. По словам одного из наиболее авторитетных современных физиков, профессора Кембриджского университета С. Хокинга, фундаментальная физическая теория, скорее всего, будет завершена уже в 2020 г. и будет разработана теория супергравитации, которая объединит все четыре типа известных фундаментальных взаимодействий — электромагнитные, сильные, слабые и гравитационные. После этого в физике останутся только частные задачи. Эту точку зрения разделяют многие теоретики. Это *первый признак* кризиса науки.

Второй признак — появление новой серии «облачков», которым не удается дать интерпретацию, оставаясь в рамках существующей научной парадигмы. Среди них антропный принцип, проблема происхождения генетического кода, сверхсветовая коммуникация, квантовая телепортация, парадоксы квантовой космологии и др.

Из истории науки хорошо известно, что каждый раз, когда складывалась подобная кризисная ситуация в области научного знания, это было верным предвестником предстоящей смены научной парадигмы и появления новой волны научно-технического прогресса.

Третий признак кризиса науки — активизация философской и мировоззренческой деятельности негативной направленности на фоне возросшей неопределенности позитивного знания. В наше время сформировался фаллибилизм — течение философской мысли, основной принцип которого гласит: нельзя ошибиться только в том, что все теории ошибочны. За этим парадоксом стоит серьезная проблема — кризис научной методологии.

Не приходится удивляться, что периоды относительно благополучного самодвижения науки — аттракторы — перемежаются с ее кризисами, или бифуркациями. Плохо то, что оба эволюционных кризиса — мегакризис индустриальной цивилизации и кризис науки — совпали по времени. Но, быть может, в этом проявляется историческая закономерность?

Законен вопрос: на каких путях современная научно-общественная мысль ищет стратегические подходы к прогнозированию и преодолению кризисных

явлений в общественном развитии? В настоящее время наибольшей известностью пользуются две парадигмы — концепция устойчивого (или самоподдерживаемого) развития и теория постиндустриального развития. Основным смыслом первой из этих концепций можно представить в форме эколого-этического императива: устойчивое развитие возможно только как результат этического обновления интеллектуальной мощи человечества, формирования единого для всех землян этического кодекса, во главу угла которого будут поставлены принципы сохранения биосферы.

Главный недостаток этой концепции состоит в том, что в ее основу фактически положена одномерная модель эволюции человечества как единого целого. Между тем к саморазвивающимся системам, к числу которых относится мировая цивилизация и глобальная экосоциальная система, эта модель неприменима. Неудивительно, что на практике программы устойчивого развития в целом выполняются неудовлетворительно.

Теория постиндустриальной трансформации отличается от концепции устойчивого развития, во-первых, тем, что она носит прежде всего технологико-экономический характер, а во-вторых, в ней одновременно рассматриваются также политическая и социокультурная сферы. Постиндустриальное общество есть информационное общество, общество образования, центральную роль в нем играет теоретическое знание, что приводит к формированию нового ведущего класса — интеллектуальной элиты, или когнитариата.

Однако на практике реализация теории постиндустриальной цивилизации распространяется лишь на развитые страны Запада. Поэтому процесс глобализации, который идет в настоящее время широким фронтом, оборачивается на деле превращением Запада в новую метрополию, а остального мира — в его ресурсный придаток. Как следствие такого хода событий, процесс постиндустриальной трансформации на основе постмодернистских принципов лишается гуманистического пафоса [2]. В тех теоретических вариантах глобальной постиндустриальной цивилизации, которые представлены в трудах отечественных авторов, гуманистическим и этическим аспектам уделяется приоритетное внимание.

Указанных недостатков теории постиндустриального общества лишена концепция В.И. Вернадского о развитии ноосферы, или, как это называют его современные последователи, концепция *ноосферогенеза* [5]. В ее основе лежит примат творческого поиска людей в условиях свободы, понимаемый не как предзаданная необходимость, а как возможность выбора ими эволюционной альтернативы. Тем самым в процессе ноосферогенеза создаются предпосылки для преодоления одной из главных болезней современного общества потребления — массового тиражирования усредненного человека, унификации и размывания неповторимого личностного начала, торжества посредственности.

Все позитивные сценарии приемлемого и рационального будущего: ноосферогенез, постиндустриальная цивилизация, стратегия устойчивого

развития — очень привлекательны и имеют немало общих черт. Но у них есть и одна общая проблема — русло для мобилизации ресурсного и идейного потенциала еще не определено.

Поэтому сегодня наибольшее внимание представителями отечественной исследовательской школы уделяется *мобилизационной стратегии развития* [1]. Ее суть сводится к поиску мобилизационных «русел» как ответ на современные вызовы. Мобилизационный сценарий тем и хорош, что позволяет системе пройти кризис в быстром, силовом режиме. Объясняется это тем, что в указанном сценарии горизонт прогноза (горизонт предсказуемости) соизмерим со временем пребывания в кризисе. Иногда такую ситуацию можно создать искусственно, за счет разгона системы в направлении нужной альтернативы. (Прием сей используют байдарочники при прохождении узкой полосы в бурлящих порогах.) Нечто подобное предлагал Г.А. Явлинский в программе «500 дней» в период перестройки.

Главное состоит в том, что для разгона системы нужен ресурс — организационный, кадровый, материальный и, конечно же, идейный. Особенность указанного сценария еще и в том, что система обладает структурной и системной динамикой и в зависимости от меняющейся цели в режиме обострения адаптируется к изменяющимся условиям, являясь по своей функциональной природе поисковой. Это следствие ее опоры на ноосферные идеи. Экстраполяции и оценки вероятностных прогнозных моделей общественных процессов указывают именно на это, и вот почему оптимальным для России становится *мобилизационный сценарий*.

Для проведения в жизнь эта модель требует раскрытия в целевом, нравственном, управленческом, научном, образовательном, этическом, технологическом и в иных измерениях.

Например, усиление мобилизационного сценария в нравственном измерении предполагает выработку кодекса этических норм, нередко облакаемых в религиозные формы в целях снижения вероятности ошибочных решений энтропийного характера.

Эти этические нормы играют роль элементов отрицательной реактивности, поддерживающих ее стабильность, их можно рассматривать как *правила запрета* тупиковых и неоптимальных ветвей эволюции. Тем самым в руки лиц, принимающих решения, передается простой инструмент, позволяющий значительно снизить вероятность принятия неэффективной программы действий. Эти этические нормы дают возможность заменить поиск ответа на традиционный для российского менталитета вопрос «что делать?» на другой, практически более удобный — «чего НЕ делать?» Очевидно, подобная постановка задачи относится к неклассической парадигме.

Система этических критериев обладает тем важным свойством, что они образуют целостный комплекс. Важное свойство системы этических критериев состоит в том, что, выполняя роль правил запрета, они не являются чрезмерно жесткими: допускается сравнительно широкий спектр приемлемых

вариантов конкретных стратегических программ действий. Это свойство системы этических критериев является следствием неклассической методологии прогностики.

В управленческом плане усиление мобилизационного сценария предполагает, во-первых, перевод балансовой технологии управления на программно-целевую, во-вторых, в оценке государства как структуры целеполагания в области социальной организации и управления этим развитием. Для того чтобы достичь заявленных управленческих целей, необходимо как минимум во внутренней стратегии развития обеспечить социальную стабилизацию, а во внешней — независимость выработки и реализации социально-экономической политики России от групп влияния, представляющих интересы ее стратегических конкурентов.

В образовательном измерении в лоне мобилизационного сценария востребовано формирование новых учебных программ, основанных на методике организации содержания образования в обход реализации привычных нам затратных реформ.

Научный аспект мобилизационного сценария — это поддержка фундаментальной науки. В условиях России это означает прежде всего опору на тот инновационный потенциал, которым пока еще располагают 70 отечественных наукоградов. Можно ожидать, что развитие фундаментальной науки приведет к возникновению нового научного направления и новой методологии.

Однако существует опасность, что наш выбор стратегии развития столкнется с постмодернистским его восприятием. Согласно Ж.-Ф. Лиотару [4], основные принципы постмодернизма состоят в следующем:

1. Отказ от понятия истины. Истина — это только слово.
2. Все уже сказано, любой ясный текст не более чем цитата.
3. Текст не отображает реальности, а создает ее, причем даже не одну, а множество виртуальных реальностей.
4. То, что мы принимаем за действительность, на самом деле всего лишь представление о ней, которое к тому же зависит от точки зрения.
5. Утрата авторитетных и доступных разуму стандартов добра, истины и прекрасного.
6. Недоверие ко всему рациональному.

Может ли подобная система взглядов, которую с полным на то основанием можно было бы назвать в наш век научного прогресса «философией растерянности», служить каким-то практическим целям?

Постмодернизм — весьма эффективное средство борьбы за власть над умами. Используя его принципы, власть стремится овладеть индустрией культуры, поставить под свой контроль СМИ, чтобы навязать обществу тот образ мышления, который в наибольшей степени отвечает потребностям ее идеологии. Постмодернизм — это демобилизующая стратегия деформации общества. Внедрение принципов этой философии в мировое общественное, а главное, научное сознание помогает нынешней политической элите использовать

ее постулаты для ведения информационной войны всех против всех. Для достижения своих целей глобалистами (наднациональные элиты) на всем социокультурном пространстве мировой цивилизации развернута широкомасштабная кампания. Практически над всеми регионами мира установлен жесткий информационный контроль, использующий прямую ложь в том числе.

Современное постмодернистское образование со всей неизбежностью ведет систему к цивилизационному тупику, поскольку не дает более четкой научной картины мира. Оно теперь предлагает на выбор несколько вариантов ответа, один из которых правильный. В таком формате преподавания картина мира исчезает. Система получает в лице этих новых членов общества непрофессионалов и конформистов. Они отлучены от организованного творчества. Единственная сфера, в которой они могут найти себе применение, — это потребление и основанные на нем хаотические социальные связи. Система не может решить с помощью такого человеческого материала ни одной серьезной проектной задачи, не может использовать ни одной фундаментальной инновации.

Для полноты картины прогнозной модели образа будущего является оправданным представить конспективно религиозно-эсхатологический срез истории. Корни эсхатологического восприятия истории уходят далеко в глубь веков, религиозная эсхатология и по влиянию на умы людей, и по богатству своего содержания ничуть не уступает научным и художественным концепциям будущего. Человечество всегда проявляет интерес к апокалиптике, сталкиваясь со сложными социальными проблемами: социальными катаклизмами, бунтами, государственными переворотами, войнами, эпидемиями — всем тем, что заставляет поднимать вопрос о смысле и конце истории. Разумеется, эсхатологическая проблематика претерпевает определенную трансформацию в разные периоды человеческой истории. И тем не менее она с определенной устойчивостью всплывает в самых разных ситуациях.

Операционализация религиозных смыслов и образов эсхатологии означает не столько манипулирование ее культурно-смысловыми знаками (образами и феноменами), сколько понимание настоящего и будущего в ретроспекции — из финала человеческой истории. То есть операционализация эсхатологии — это конструирование будущего с оглядкой на то, что должно произойти после этого самого будущего, что в принципе не поддается верификации. Но делать это надо, так как будущее подает знаки и ждет, когда их прочитают.

Не меньший интерес представляют прогнозы в естественно-научно-эсхатологическом срезе — финалистские сценарии, рожденные в сознании теоретиков естествознания. Их условно делят на три группы. Первую образуют сценарии, которые исходят из предположения, что в самих закономерностях эволюции человечества запрограммирована неизбежность его гибели. Вторую группу — сценарии, основанные на различных гипотезах о космических катастрофах. Третью — теоретические модели завершения эволюции Вселенной в целом.

В сценариях *первого* типа нет недостатка. Опубликованы предсказания о самоистреблении человечества в пожаре термоядерной войны, о его гибели в результате глобальной экологической катастрофы, вызванной разрушительной техногенной деятельностью.

Вторая группа сценариев — космические катастрофы. Их возникновение никак не связано с деятельностью человечества и может оказаться неизбежным. Возможность преодоления планетарных катастроф К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский связывали с освоением космического пространства: разумная жизнь в состоянии преодолеть последствия любой катастрофы, если время изменения внешних условий много больше времени приспособления к ним или выработки компенсационной технологии.

Остается *третья группа* эсхатологических сценариев, в которых рассматриваются различные варианты завершения космической эволюции самой Вселенной. В XIX в. почти всеобщее признание получила концепция «тепловой смерти» Вселенной, которую на основании второго начала термодинамики выдвинул Р. Клаузиус, а позднее пропагандировали Дж. Джинс и А. Эддингтон. Однако Л. Больцман показал несостоятельность этой гипотезы, а И.Р. Пригожин, развив теорию термодинамики необратимых процессов, нашел, что из хаоса могут возникать упорядоченные высокоорганизованные структуры.

Современная теоретическая физика рассматривает два других сценария финала Вселенной. Первый из них — всеокрушающий коллапс, в котором исчезают все материальные объекты и Вселенная возвращается в первоначальное состояние квантового вакуума. Второй — безграничное расширение, сопровождающееся распадом всех форм материи, кроме нейтрино и фотонов.

Однако будет ли это одновременно означать и конец разумной жизни вообще? Из аксиомы адаптивности следует, что если изменения будут носить достаточно медленный характер, то разумная жизнь найдет способ приспособиться к новым условиям. Процессы, ведущие к завершению истории Вселенной, чрезвычайно медленны. Не исключено, что теоретики сумеют создать достаточно полную теорию, а эксперименты подтвердят это на опыте.

Поиск смыслов бытия находится в диалектической связи с проблемой финала человеческой истории. Идет мучительное переосмысление аксиологического и теологического наполнения человеческого бытия, поиск оптимального соотношения индивидуального, социального и природного. Возможно, приближаясь к границам фазового пространства, число типов неустойчивостей будет все увеличиваться, что предполагает поливариантный и неопределенный характер будущего мира и человечества [3]. Выход на тот или иной эволюционный тренд будет определяться объективными условиями (онтологической ситуацией и уровнем технологии).

Но не только ими. Немалую роль играет и давление, исходящее из еще одного скрытого слоя иррациональной реальности, совокупности архетипов, которые определяют традиции, культурные навыки, ценностные установки, целеполагающие ориентиры, формы рациональности, воля к действию

и чувство ответственности. Диапазон теоретических оценок содержательной конкретики этого слоя необычайно широк.

Таким образом, мы вынуждены констатировать — традиционная траектория развития цивилизации исчерпала себя. Дальнейшее развитие возможно лишь при изменении социальной организации общества, выборе оправданных с точки зрения мобилизационного сценария целей.

Цели и ориентиры для общества всегда, а сегодня особенно, более важны, чем механизмы и системы управления. Стратегия имеет приоритет перед тактикой. Этот тезис кажется, на первый взгляд, очевидным. Но в практической деятельности очень трудно осознать, что вчерашние цели не соответствуют новой реальности. Вопрос о целях все чаще ставит в тупик и политиков, и ученых.

Поэтому один из главных вызовов нынешнему поколению ученых и социальных философов — анализ целей, которые может ставить перед собой человечество, оценка коридора его возможностей, рисков, что связаны с принципиальными сейчас стратегическими решениями.

Потребительская идеология, безответственное отношение к окружающей среде, претензии на собственную кастовую исключительность — все это должно быть сдано в архив. Человечеству необходим новый нравственный фундаментализм, который позволит сплотить его разрозненные силы для противостояния виртуальным силам мирового зла. Насущно необходима альтернативная концепция глобализации, ориентированная на отстаивание демократических интересов большинства, а не одной только избранной элиты. Выжить люди могут только вместе, а погибнуть — и поодиночке.

Литература

1. *Баянов К.Р.* Методология прогнозирования социоприродной динамики. М.: Изд-во МГУ, 2010. 236 с.
2. *Исмаилов Н.О.* Концепции справедливости в истории философии и современности: монография. М.: Центральное изд-во учеб.-метод. и науч. лит., 2014. 228 с.
3. *Лесков Л.В.* Футуро-синергетика: универсальная теория систем: науч.-учеб. пособие. М.: Экономика, 2005. 170 с.
4. *Лютар Ж.-Ф.* Феноменология. СПб.: Алетейя, 2001. 160 с.
5. *Субетто А.И.* Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке в контексте ноосферизма. СПб.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. 364 с.

Literatura

1. *Bajanov K.R.* Metodologiya prognozirovaniya socioprirodnoj dinamiki. M.: Izd-vo MGU, 2010. 236 s.
2. *Ismailov N.O.* Konceptii spravedlivosti v istorii filosofii i sovremennosti: monografiya. M.: Central'noe izd-vo ucheb.-metodich. i nauch. lit., 2014. 228 s.
3. *Leskov L.V.* Futuro-sinergetika: universal'naya teoriya system: nauch.-ucheb. posobie. M.: E'konomika, 2005. 170 s.
4. *Liotar Zh.-F.* Fenomenologiya. SPb.: Aletejya, 2001. 160 s.
5. *Subetto A.I.* Osnovaniya i imperativy' strategii razvitiya Rossii v XXI veke v kontekste noosferizma. SPb.; Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2005. 364 s.

K.R. Bayanov

**Modern Prognostic Models of the Future Society
(from Natural-Science Point of View)**

Assessing the impasse in which the methodology of forecasting of social processes came, we are forced to state that this became an inevitable consequence of the crisis of modern world civilization. And if in the near future a constructive way out of this crisis will not be found, entering the phase of the global “end of the world” by the middle of the 21st century will be inevitable.

Keywords: forecasting; the concept of sustainable development; the theory of post-industrial development; the noospherogenesis; mobilization scenario.